

## Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме

Феминистская теория в поисках реального женского «я», «зарытого» в теле, должна была вычленивать ту дистанцию, которая существует между институционализированным определением «что есть женщина» и действительным опытом переживания женщиной своей жизни. Методологическим основанием для такого вычленения стала философия постструктурализма, благодаря которой «женское письмо» было означено местом возможной разидентификации женщины с институциональным конструктом.

**Ключевые слова:** феминизм; женское тело; женское письмо; постструктурализм; субъект; власть; деконструкция.

Почему вы не пишете? Пишите себя!

*Хелен Сиксу*

Тема женского тела – одна из самых «больных» в феминистских исследованиях [1]. Бывшее всегда, казалось бы, источником восхищения и предметом вдохновения людей искусства, оно всегда оказывалось и изначальной основой дискриминации женщин. Так, в частности, Дж. Купферман в книге с выразительным названием «Тело по ошибке» убедительно доказала, что в мифологии, теологии, языке всегда утверждались две противоположные идеи: с одной стороны, женское тело как нечто «нечистое», «кровоточащее», «испорченное», «развращенное», «опасное для мужчины» как «ворота дьявола»; с другой – как мать, женщина всегда провозглашалась «святой», «чистой», «асексуальной». И это неудивительно: физиологическая основа материнства – то же самое тело, «нечистое» и «опасное», но в нем, казалось бы, окончательная судьба и оправдание женской жизни. Исследовательница подчеркнула, что такое «андроцентристское» отношение к телу женщины ведет к абсолютному отрицанию «телесной природы женского мировосприятия», которое оказалось просто вытесненным из культуры [10].

В известном смысле размышления Дж. Купферман были продолжены и развиты выдающейся феминисткой, американским философом Андриа Рич. Ее книга «Рожденный женщиной» [14] стала гимном женскому телу, но, в противоположность аналогичным «мужским гимнам» (кстати, весьма многочисленным), гимном не физическим, а духовным возможностям и устремлениям. Как наиболее характерную особенность женского мировосприятия А. Рич выделила способность женщины «мыслить через тело». Эта способность, по мнению исследовательницы, вырастает из своеобразия психобиологической структуры женщины: «...высокого уровня развития тактильного восприятия, дара пристального наблюдения, стойкости к перенесению боли, многомерного вживания в телесность... связи и резонанса ее физиологии с природным порядком» [Там же, с. 283]. Однако культура, ориентированная на мужские приоритеты в способах мировосприятия, полагала А. Рич, «разлучила нас с самими собой», поэтому «нам всегда было свойственно два пути: либо становиться нашими телами – слепо подчиняясь мужским теориям о нас, либо стараться существовать вопреки им (телам. – Г. Б.)». Поэтому оказалось, что «женская физическая организация есть источник многого непроясненного и, вообще, в известном смысле некасаемого». Автор убеждена,

---

\* Галина Андреевна Брандт, д-р филос. наук, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

что есть пути и способы мысли, о которых мы еще не знаем, причем не знаем именно потому, что не осознаем духовных возможностей своей биологии, «чуда и парадокса» женского тела. «Я пришла к убеждению, что женская биология – это диффузность, интенсивная чувствительность, излучаемая клитором, идущая от груди, матки, вагины; менструальный цикл, осуществление жизни, которое может иметь место в женском теле – имеет гораздо более радикальные последствия, чем мы могли подозревать до сих пор. Патриархатная жизнь лимитировала женскую биологию до своих собственных нужд. Я убеждена, что переосмысление этих воззрений приведет к взгляду на нашу биологию скорее как на источник, а не как на судьбу» [14, с. 39].

Волнующие заявления убежденных феминисток не могли не поставить вопроса об определении предметного содержания описываемой ими способности «мыслить через тело». Каждая новая аналитическая работа пыталась вывести данный процесс на новый теоретико-философский уровень.

Но это оказалось совсем не просто. Феминистская теория неожиданно столкнулась – что называется, «нос к носу» – с фундаментальным противоречием своего существования. Задача обнаружить и выразить глубинные особенности женской аутентичности вошла в противоречие с запретом на любые «иные» способы понимания и выражения, между тем как предмет поисков и составил это «иное». Другими словами, операциональная система, язык теории оказывался недействительным за пределами того, что называлось и считалось «общезначимым» – традиционным предметом теоретического познания. Возникал парадокс: феминистские теоретики, уверенно используя общий, устоявшийся философский категориальный аппарат, исследовали свой предмет, но он как-то незаметно ускользал, становясь из «иноного» – «общезначимым», из специфически женского – в то, что под женским традиционно понималось в культуре. Поэтому многие исследователи не могли испытывать удовлетворение от того, что, при всех найденных ими новых акцентах и оценках, они продолжали оставаться в рамках понимания женщины как особого существа. Причем «особость» эта определялась большей – чем у мужчин – эмоциональностью, большей силой интуиции, целостностью, тесной связью с природным и ситуативно-социальным контекстом.

Выведение отмеченных качеств за рамки «отдельного», «половых особенностей», специфики «чисто женского» (и потому не заслуживающего серьезного отношения) в открытой социокультурный контекст оказалось чревато переосмыслением многих сфер человеческой деятельности, ее ценностных ориентаций – ведь не случайно сегодня говорят о «новой этике», «новой (учитывающей статус женщины) экологии», о женском типе бизнесмена и политика, ученого и философа [8; 12; 13; 15]. Вполне понятно, что философская мысль, наметившая возможность существования некоего глубинного опыта, так сказать «зарытого» в теле и выражаемого только самой женщиной, не могла не отправиться в поиски в данном направлении.

Первым шагом оказалось активное использование феноменологического метода. В частности, одним из самых популярных предметов феминистского рассмотрения стали женские мемуары и автобиографии, дневники и письма, всевозможные женские рассказы (устные и письменные) о тех или иных состояниях и сопровождавших их переживаниях разных событий: замужества и беременности, менструации и родов, воспитания (своего и детей), влюбленности, успехов и неудач в профессиональной деятельности [6].

Одновременно с этим начались поиски новых технологий поисков или «раскапывания» в текстах женской аутентичности, которая – с точки зрения феминистов – всегда исходит от импульсов тела и не является отражением «голоса» действующей культуры. Ведь никто не оспорит того факта, что представления (вы-

раженные в книгах, фильмах, массмедиа и т. п.) о чувствах и ощущениях, которые *должна* с точки зрения культуры испытывать в те или иные жизненные моменты женщина, часто (и даже как правило) в процессе их трансляции вытесняют ее собственные, подлинные, настоящие чувства и переживания... Феминистская теория в поисках реального женского «я» оказалась призванной вычленивать ту дистанцию, которая существует между институционализированным определением женской природы и действительным опытом переживания женщиной своей жизни. Но сделать это без нового (и «иногo»!) методологического основания было бы нелегко. И такое основание было найдено: на помощь феминисткам пришли философы, стоящие на позициях постструктурализма.

Дело в том, что теоретики этого направления сумели перевести разговор о человеческом бытии на принципиально иной уровень, показав, что система философских категорий типа «человек», «общество», «природа» – это не более чем некая «сетка» с такими крупными «ячейками», что бытие реального, конкретного, подчас незаметного в своей повседневности индивида ими не схватывается, а ускользает, буквально «просачивается» мимо. Один из основоположников постструктурализма М. Фуко говорил даже о «смерти субъекта», т. е. об исчезновении или растворении человека, который может быть помыслен в универсальной форме субъекта, определяющего основания, дающего смыслы, отправляющего (и, кстати сказать, олицетворяющего) власть.

В философии нового направления места субъекту вообще не оказалось. Если о нем кто и говорит, то лишь как о «сделанном субъекте» – т. е. некоей «точке приложения» различных технологий и нормативных дисциплин. Таким образом меняется масштаб рассмотрения. Он переходит на микроуровень, на котором значимыми оказываются понятия типа «язык» с его дискурсивными практиками, «власть», «желание» и т. п.

В том же ряду оказалось и понятие «тело». Одним из своих духовных отцов теоретики постструктурализма «засчитали» Ф. Ницше, телесно-дионисийский пафос философии которого хорошо известен. Однако в рамках нового подхода понятие «тело» стало наполняться другим, куда более широким содержанием. Оно все реже стало ассоциироваться со своим биологическим носителем. Оно стало пониматься прежде всего как особое поле формирования такого фундаментального механизма человеческого поведения, как желание. Ведь благодаря достижениям психоанализа стало очевидно, что желание, не ставшее осознанным или вытесненным из сознания, никогда не исчезает бесследно, оно, как мы теперь знаем, всегда маркируется на теле, и не что иное, как телесность, оказывается тем реальным полем, которое, в известном смысле, «обрамляет» бессознательное.

«Тело и власть» – основная тема постструктурализма, и первым, кто обозначил ее отчетливо, был М. Фуко. В отличие от классической философии, где объектом манипулирования всегда оказывалось сознание, Фуко рассмотрел технологии воздействия власти на тело. И в результате его аналитических штудий оказалось, что фундаментом борьбы за доминирование различных властных структур является то, что находится ниже порога сознания, – тело. Указанный «уровень видения» показал, что индивид не просто контролируется властью, а даже перестает принадлежать себе. Его «я» через внушенные желания оказывается определенными теми проекциями, которые формируются властью на уровне тела. То есть человек начинает желать того, что «нужно», и человеческий статус субъекта в его классическом варианте подменяется статусом «объекта знания и подчинения».

Как происходит подобная подмена? Каковы ее технологии?

Фуко показал, что ими оказываются практики речевого поведения, которые он назвал дискурсами. Дискурсивный анализ стал главным исследовательским инструментом Фуко, благодаря чему он и сделал тайное явным, что было невозможно

сделать прежними традиционными методами. Благодаря работам Фуко (а он, в частности, исследовал и социальное конструирование таких явлений, как *безумие* и *сексуальность*) и обнаружилось сложное и объемное воздействие на человека пресловутых речевых практик [4]. Стало очевидным, что в них заложены неявные ценностные проекции и люди в этих практиках оказываются в поле воздействия культурных оценок и предпочтений. Языковед Р. Лакофф так сформулировала итог подобной работы: «Язык, – писала она, – в такой же степени использует нас, в какой мы используем его» [11, с. 3].

На открытиях Фуко возник новый универсальный метод познания – деконструкция. В самом общем виде деконструкция – это метод поиска отмеченных выше неявных ценностных ориентиров, т. е. неких «силовых линий», пронизывающих социокультурную систему. Впервые этот термин употребил Ж.-Ж. Деррида, ставший впоследствии лидером деконструктивизма. В книге «О грамматологии» он обосновал деконструктивную стратегию как «расчленение (деструкцию) и дальнейшую – на новой основе – реконструкцию текста». Через анализ текстовых элементов, речевых оборотов, писал этот неординарный французский мыслитель, обнажается то «бессознательное», что невозможно «схватить» традиционнo-логическим путем. Деконструктивизм находится на границе трех теоретических дисциплин: лингвистики, философии и психоанализа, из которого используются идеи Фрейда об особенностях функционирования бессознательного в культуре (приведем, к примеру, его известный закон психической экономии, получивший название «замещение»). Междисциплинарность выявляет микроуровневый, «телесный» механизм действия власти, механику деконструирования субъекта и подмены его «другим».

Деконструкция, переведя исследование с феноменологического уровня на теоретико-аналитический, стала одним из ведущих методов феминистской критики, которая исследовала процесс «изгнания» женщины из собственного тела. Тело женщины потому и стало, можно сказать, «местом встречи» философий двух рассматриваемых направлений, что оно оказалось одним из самых устойчивых символов власти. З. Фрейд в свое время доказал, что репрезентация власти, ее под-сознательная мифология, тесно связана с женщиной и образ женского тела непосредственно связан с «принципом удовольствия». Удовольствие же, в свою очередь, и власть, считал он, не упраздняют друг друга, а следуют друг за дружкой, чередуются и усиливают друг друга. «Они сцеплены, как сиамские близнецы, сложными и позитивными механизмами возбуждения и побуждения», – настаивал М. Фуко, для которого связь «интенсивности удовольствия» и «настойчивости власти» очевидна и бесспорна [5, с. 149].

Словом, все отмеченные процессы обернулись тем, что тело женщины, как пишет еще одна исследовательница-деконструктивистка и феминистка, А. Розенхольм, «было не просто конфисковано, а – что еще хуже – замещено каким-то причиняющим беспокойство, посторонним, больным или мертвым, олицетворяющим нечто *плохое*, что часто является объектом запрета и поводом к нему» [3, с. 182]. Конечно, очевидно, как уже говорилось, что нередко оно же – тело женщины – оказывалось, напротив, поводом для восторгов, восхищений, т. е. было и прекрасным, и «дивным», и «божественным», но от смены полюсов общая ситуация не менялась. Тело принадлежало не женщинам, оно «желало» того, что нужно было ему желать с точки зрения патриархатной культуры – волновать, возбуждать, рожать, кормить, ждать, требовать защиты и поддержки.

Критическая рефлексия – это «разыдентификация», расчленение «себя с собой», это осознание своего сегодняшнего тела как «не моего», «другого», замещенного – можно сказать, доминирует сегодня в феминистских исследованиях. Однако, как уточнял сам автор метода Ж. Деррида, «деконструкция – это... всего

лишь подготовительная работа для новых открытий» [2, с. 60]. Поэтому думается, что фундаментальная критическая установка феминистской методологии сегодня – это не что иное, как разновидность того, что М. Фуко называл «установкой – пределом», т. е. попытка зафиксировать на самих себе («что мы говорим, думаем, делаем, хотим») те формы властных отношений, которые нас «определяют», устанавливая пределы нашего возможного опыта. Критический анализ подобных вменяемых норм субъективности нужен для «создания самих себя в нашей автономности», для «работы нас самих над самими собой как свободными существами» [5, с. 428–440], иными словами для «возвращения» себя в свое тело.

Однако в отношении позитивных стратегий подобного «возвращения», обретения женщиной своего голоса, своей культурной идентификации дело обстоит не так-то просто. Выработка их еще продолжается, оказавшись чрезвычайно сложной задачей.

И здесь снова возникла потребность в новой методологии. Вакуум этот пока не заполнен – ведь постструктурализм дает, прежде всего, не конструктивную, а деконструктивную методологию, не позитивную, а критическую программу.

Феминистские исследователи постструктуралистского толка убеждены, что местом возможного обретения себя женщиной является письмо. Через язык она была «изгнана», через обретение своего языка, языка своего тела она только и может вернуться.

Это необычайно важное наблюдение, сделанное на основе такого понимания «письма», которое употребляется в значении, вложенном в него Ж. Дерридой. Он не единожды подчеркивал, что текст – это напряженное взаимодействие между *голосом* и *письмом*. Голос – то, что *говорит* сам автор текста. Однако деконструкция показывает, что основу текста составляет как раз письмо, которым *пишется* автор, иными словами то, что в процессе создания текста проявляется вне и помимо его сознательных устремлений. Создатель текста тем самым как бы перестает быть автором (отсюда знаменитое утверждение Ж.-Ж. Дерриды о «смерти автора»). Он сам буквально *творится* текстом, так как в письме обнаруживается то, что было «зарыто», утеряно, вытеснено.

Интересно, как об этой способности текста свидетельствуют феминистские исследовательницы, даже не опирающиеся непосредственно на постструктуралистскую методологию. В частности, С. Гриффин – широко известная в Америке и как теоретик феминизма, и как поэт, твердо убеждена, что наиболее отчетливо способность текста обнаруживать утраченную аутентичность проявляется в поэзии. «Поэзия, – пишет она, – есть тайный путь, через который мы можем восстановить нашу собственную аутентичность... Вот почему поэзия так важна для феминизма» [9, с. 242]. В своих книгах С. Гриффин показывает, как медленно, буквально шаг за шагом происходит необычайное превращение: знание, зарытое в теле, приходит в сознание. «Поэзия способна опрокидывать, опровергать наши представления о том, кто мы есть, она открывает – часто совершенно неожиданно – нам нас самих: похороненные, зарытые чувства, восприятия, утерянные знания. Поэзия как сон, который обнаруживает меня для меня, пока я сплю. Мое тело становится комнатой резонансов, чьи звуки я записываю. Поэт возвращается к знанию тела как к источнику истины» – вот наиболее обобщенное видение ею значимости поэтического слова для женщины [Там же, с. 243].

Приведем еще один пример. Среди теоретиков постструктуралистского феминизма имя Х. Сиксу, пожалуй, одно из самых известных. Главный пафос ее работ – призыв к женщине прорваться за грань «возможного» и «раскопать» в письме свою подлинную женственность, изменяя тем самым мир и историю [7]. «Я буду говорить о женском письме: о том, что оно делает. Женщина должна писать себя: должна писать о женщинах и принести женщин в письмо, из которого они бы-

ли изгнаны насильственно, так же как и из своих тел – по тем же причинам, по тому же установлению с той же фатальной целью. Женщина должна принести себя в текст – как в мир и в историю» [7, с. 481–482]. Отсюда – страстный призыв Х. Сиксу к женщинам: «Почему вы не пишете? Пишите! Письмо для вас, вы для вас; ваши тела – ваши, берите их!.. Пишите себя. Ваше тело должно быть услышано» [Там же, с. 484].

Сможет ли женщина написать себя? Обрести свое тело как источник новых форм культурного творчества?

Думается, вопрос поставлен.

### Литература

1. Брандт Г. А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы // *Адам и Ева : альманах гендерной истории*. – М. : ИВИ РАН, 2003. – № 6.
2. Вайнштейн О. Б. Деррида и Платон: деконструкция логоса // *Мировое древо*. – 1992. – Вып. 1.
3. Розенхольм А. Пишу себя: Творчество и женщина-автор // *Современная философия*. – Харьков, 1995. – № 1.
4. Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. *Воля к истине*. – М., 1996.
5. Фуко М. *Воля к истине*. – М., 1996.
6. Belenky N., Clinchy B., Goldberger M., Tarule J. *Women's Way of Knowing*. Basic Books. – New York, 1986.
7. Cixous H. *The Laugh of the Medusa*. *Women's Voices*. – New York, 1990.
8. Daly M. *Ecology: The Metaethics of Radical Feminism*. – L., 1979.
9. Griffin S. *Made From the Earth*. – New York, 1983.
10. Kupferman J. *The Mistaken Body. A Fresh Perspective of the Women's Movement*. – London, 1981.
11. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. – New York, 1975.
12. Noddings N. *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Education*. – Berkley, 1984.
13. Poole R. *Morality, Masculinity and the Market* // *Radical Philosophy*. – 1985. – № 39. (Spring).
14. Rich A. *Of Woman Born*. – New York, 1977.
15. Whitbeck C. *Different reality: Feminist Ontology*. – *Beyond Domination*. – New Jersey. 1983.

### **Galina Andreevna Brandt,**

Doctor of Philosophy, Professor,

Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

### **Feminism and Poststructuralism about Women's Body and Women's Writing**

Trying to reveal the real woman's «self» «submerged» in the body, feminist theory was to identify the distance between the institutional definition of «woman» and the actual woman's experience. The methodological basis of this identification became the philosophy of poststructuralism. Following this methodology the «woman's writing» was signified as place of possible re-identification of a woman with an institutional construct.

**Key words:** feminism; woman's body; woman's writing; post-structuralism; subject; power; deconstruction.